Анархизм и рабочие профсоюзы

Фернан Пеллутье

20 октября 1895. Опубликовано 2-8 ноября 1895.

Анархизм
и рабочие профсоюзы

Подобно тому как известные мне рабочие, хотя и разочаровавшиеся в парламентском социализме, не решаются открыто исповедовать либертарный социализм, поскольку, по их мнению, вся анархия состоит в..... индивидуальном..... применении динамита, – точно так же я знаю немало анархистов, которые в силу предубеждения, некогда, впрочем, обоснованного, держатся в стороне от профсоюзов и, при случае, борются с ними, потому что в течение некоторого времени этот институт был подлинной питательной средой для кандидатов в депутаты. В Сент-Этьене, например (и я знаю это из достоверного источника), члены профсоюзов *почитают* Равашоля; однако ни один из них не осмеливается назвать себя анархистом, из боязни показаться отступником, отказывающимся от подготовки коллективного бунта в пользу бунта одиночного. В других местах, напротив, в Париже, Амьене, Марселе, Роане и в сотне других городов, анархисты восхищаются новым духом, которым прониклись за последние два года профсоюзы, но всё же не осмеливаются войти в это революционное поле, чтобы там взрастить доброе семя, посеянное суровым опытом. И между этими людьми, освободившимися от предрассудков почти в равной степени, интеллектуально связанными общей целью и осознанием – здесь через восприятие, там через убеждение – необходимости насильственного движения, сохраняется недоверие, которое отдаляет первых от товарищей, якобы систематически враждебных всякому согласованному действию, а вторых – от формы объединения, в которой они всё ещё считают обязательным отчуждение индивидуальной свободы.

Однако сближение, начавшееся в некоторых крупных промышленных или мануфактурных центрах, непрерывно расширяется. Один товарищ из Роана недавно указал читателям *Temps nouveaux*, что не только анархисты этого города наконец вошли в цеховые группы, но и приобрели там благодаря своей энергии и рвению своего прозелитизма[1] моральный авторитет, действительно полезный для пропаганды. То, что мы узнали о профсоюзах Роана, я мог бы сказать о многих профсоюзах

[1] Стремление вербовать сторонников, горячо и настойчиво распространять свои взгляды.

Алжира, Тулузы, Парижа, Бове, Тулона и так далее, которые, затронутые либертарной пропагандой, сегодня изучают доктрины, о которых вчера отказывались даже слышать под влиянием марксизма. Анализировать причины этого сближения, которое некогда показалось бы невозможным, изложить фазы, через которые оно прошло, – значит устранить остаток недоверия, препятствующий революционному объединению, и подорвать государственный социализм, ставший доктринальной формой невыразимых вожделений.

Был момент, когда профсоюзы оказались подготовлены (и, что является гарантией против всякой реакции, подготовлены собственными рассуждениями, вопреки даже советам, которые они до тех пор слушали с таким уважением) отказаться от всякого участия в так называемых социальных законах; этот момент совпал с применением первых реформ, которые им в течение четырёх лет обещали с такой чудесной перспективой. Им так часто говорили: «Терпение! мы добьёмся, чтобы продолжительность вашего труда была урегулирована так, чтобы дать вам эти часы отдыха и учёбы, без которых вы навсегда останетесь рабами», – что ожидание этой реформы, так сказать, гипнотизировало их на протяжении нескольких лет, отвлекая от революционной цели. Но когда им даровали закон о защите труда женщин и детей, что они констатировали? Снижение зарплаты их жён, их детей и их собственной, пропорциональное сокращению продолжительности труда; забастовки или *lock-out* в Париже, Амьене, в Ардеше; расширение надомного труда, или *sweating system* (*потогонной системы*); или же использование промышленниками хитроумных комбинаций (сменные бригады, подмены), которые одновременно делали закон неприменимым и ухудшали условия труда. Применение закона от 2 ноября 1892 года дало в конце концов такие результаты, что работницы и рабочие потребовали – и до сих пор требуют – его отмены.

Откуда взялась такая неудача? Профсоюзы поспешили это выяснить; но их вера в законодательство была подорвана еще слишком недавно и всерьёз ещё не пошатнулась, а в социальной экономии они разбирались слишком плохо, чтобы искать дальше осязаемых причин, они решили (поскольку сокращение продолжительности труда повлекло за собой сокращение зарплаты), что закон был бы совершенен, если бы к регулированию продолжительности он добавил регулирование цены этого труда.

Но наконец настал час разочарований. Обещаниям, которые составляли силу реформистского социализма, предстояло смениться свершениями, которые станут его гибелью. Возникли новые законы, целью которых было либо лучше вознаградить производителя, либо обеспечить его старость. Но тогда профсоюзы заметили (и честь этого наблюдения, капитального в социалистической эволюции, принадлежит прежде всего женщинам), что предметы, которые им лучше оплачивали как производителям, продавались им всё дороже как потребителям; что по мере повышения ставки зарплаты росла цена хлеба, вина, мяса, квартир, мебели – словом, всех вещей, которые являются непосредственным условием существования; они заметили также (и это было официально заявлено на недавнем Конгрессе в Лиможе), что в конечном счёте пенсии всегда являются продуктом вычетов из зарплат. И этот экспериментальный урок, более красноречивый для них, чем мастерский анализ переложения

налогов, сделанный Прудоном[2], преподанный Интернационалом, даже принятый и провозглашённый коллективистскими программами тринадцатилетней давности, – если он ещё не убедил их в том, что претендовать на уменьшение нищеты в экономическом строе, где всё скомбинировано для его расширения, означало бы желать удержать жидкость на плоской поверхности, – то, по крайней мере, он запечатлел в их уме эту чреватую последствиями идею: что *социальные* законодательства, возможно, не является той панацеей, какой ее называли.

Однако этого урока не хватило бы, чтобы определить в них ту быструю эволюцию, которую мы констатируем, если бы сами социалистические школы не приложили усилий, чтобы внушить им отвращение к политике. Долгое время профсоюзы думали, что слабость социалистической партии, или, вернее, пролетариата, имела главной, возможно даже исключительной, причиной раздоры политиков. Как только возникало разногласие между гражданином X и гражданином Z, между «Торквемадой в пенсне», заклеймённым некогда Кловисом Югом и Феррулем[3], и тем или иным корифеем «Федерации трусов-социалистов», по выражению Лафарга[4], профсоюзы раскалывались надвое и, если речь шла о совместном действии, как, например, манифестация 1 Мая, видели своих членов разделёнными на пять, шесть, десять частей, которые шли кто вкривь, кто вкось, следуя приказу вождей. Это заставило их задуматься, и, снова принимая следствие за причину, они потратили энергию, которую можно назвать неизмеримой, чтобы попытаться решить эту неразрешимую проблему: социалистическое единство[5]. Ах! Об усилиях, предпринятых для достижения этой химеры, тот, кто не жил в цеховых кругах, не может составить даже представления. Резолюции, совещания, манифесты: всё, всё было испробовано… но тщетно; в тот самый момент, когда согласие казалось достигнутым, когда – скорее от усталости, чем от убеждения – прения угасали, одно слово вновь зажигало искру: гедисты, бланкисты, непримиримые, бруссисты поднимались в ярости, обмениваясь оскорблениями, бросая друг другу в голову кто Геда, кто Вайяна[6], кто Брусса, и новая битва длилась неделями, чтобы возобновиться едва закончившись.

В этом мире всё имеет конец. Устав от своего растущего ослабления и тщетных усилий примирить политику, которая есть прежде всего дело индивидуального интереса, с экономикой, которая есть дело социального интереса, профсоюзы в конце концов поняли (и лучше поздно, чем никогда), что их собственное разделение имело

---

[2] Речь идёт, вероятно, о гл. VII «Системы экономических противоречий» (1846) и, возможно, также о гл. III «Теории налога» (1861).

[3] Кловис Юг (1851–1907), французский политический деятель и поэт; Эрнест Ферруль (1853–1921), врач, социалистический мэр и депутат от Нарбонны.

[4] Поль Лафарг (1842–1911), родился на Кубе в семье французов, изучал медицину, сначала либертарный прудонист, затем ученик и зять Карла Маркса, на дочери которого Лауре женился; член Интернационала; активно участвовал в Коммуне, делегат Карла Маркса в Испании для борьбы со сторонниками Бакунина; амнистирован в 1880; избран депутатом в 1891; вместе с Жюлем Гедом основал Французскую рабочую партию; автор «Права на лень», памфлета с несколько либертарным задором; покончил с собой вместе с женой 26 ноября 1911, «до безжалостной старости».

[5] О социалистическом единстве см. введение Даниэля Герена к книге Розы Люксембург «Социализм во Франции (1898–1912)», готовящейся к печати.

[6] Эдуар Вайян (1840–1915), один из величайших французских революционеров, сначала бланкист, член Коммуны 1871 года; приговорён к смертной казни, затем амнистирован. Закончил в «священном союзе».

причину более высокую, чем разделение политиков, и что и то и другое проистекало… из политики. Тогда, уже ободрённые явной неэффективностью «социальных» законов, предательствами некоторых социалистических избранников (одни оказывали поддержку крупной торговле Берси, другие делали из своей отставки холостые выстрелы, чтобы водить за нос легковерных избирателей), плачевными результатами вмешательства депутатов или муниципальных советников в забастовки, в частности в забастовку омнибусов, враждебностью к всеобщей забастовке газет и людей, вся политика которых состоит в том, чтобы делать или становиться лестницей для завоевания 25 франков и трёхцветного шарфа, – профсоюзы решили, что отныне политические движения останутся им чужды, что всякое обсуждение, кроме экономического, будет беспощадно изгнано из их программы занятий, и что они посвятят себя целиком сопротивлению капиталу. Недавние примеры показали, как быстро профсоюзы скользнули по этому склону!

Однако слух об этой Революции просочился. Новый лозунг: Долой политику! – распространился по мастерским. Множество профсоюзников покидали церкви, посвящённые электоральному культу. Профсоюзное поле показалось тогда некоторым анархистам достаточно подготовленным, чтобы принять и оплодотворить доктрину, и они пришли на помощь тем, кто, наконец освободившись от парламентской опеки, теперь стремился сосредоточить своё внимание и внимание своих товарищей на изучении экономических законов.

Это вступление либертариев в профсоюз имело огромный результат. Оно прежде всего сообщило массе подлинное значение анархизма – доктрины, которая, чтобы укорениться, вполне может, повторяем, обойтись без динамита… использующегося изолированным индивидом; и, в силу естественной последовательности идей, оно открыло профсоюзникам, что представляет собой и чем может стать эта цеховая организация, о которой до тех пор у них было лишь узкое представление.

Никто не верит и не надеется, что грядущая Революция, сколь бы грандиозной она ни должна быть, осуществит чистый анархический коммунизм. В силу того, что она разразится, без сомнения, прежде чем завершится анархическое образование, люди не будут достаточно зрелыми, чтобы полностью упорядочить самих себя, и ещё долго требования капризов будут заглушать в них голос разума. Следовательно (случай хорош, чтобы это сказать), если мы проповедуем совершенный коммунизм, то не с уверенностью и даже не с мыслью, что коммунизм[7] будет социальной формой завтрашнего дня; а чтобы продвинуть, приблизить как можно больше к совершенству человеческое образование, чтобы, словом, в день всеобщего воспламенения достичь максимума освобождения. Но должно ли переходное состояние, которое предстоит пережить, быть необходимо, фатально коллективистской тюрьмой[8]? Не может ли оно

[7] Не следует забывать, что для некоторых анархистов то, что они называют революцией, – это не битва, длящаяся три или четыре дня, а череда движений и преобразований, которые могут длиться невесть сколько времени; что в силу происходящего процесса децентрализации многие анархистские концепции могут найти своё применение в разных регионах и открыть путь другим преобразованиям. Впрочем, всё это будет зависеть от степени развития индивидов. Понимая революцию таким образом, то, что говорит товарищ Пеллутье, верно, но это было бы лишь эпизодом, а не самой революцией. (прим. ред. Temps Nouveaux).

[8] Под этим словом Пеллутье понимает: государственный социализм.

состоять в либертарной организации, ограниченной исключительно потребностями производства и потребления, при исчезновении всех политических институтов? Такова проблема, которая в течение долгих лет занимает, и по праву, многие умы.

Итак, что такое профсоюз (синдикат)? Объединение – со свободным входом и свободным выходом, без председателя, имеющее в качестве единственных должностных лиц секретаря и казначея, отзываемых в любой момент, – людей, которые изучают и обсуждают сходные профессиональные интересы. Кто они, эти люди? Производители, те самые, кто создаёт всё общественное богатство. Ждут ли они одобрения законов, чтобы собраться, согласовать действия, действовать? Нет; их легальное положение для них лишь забавное средство вести революционную пропаганду с гарантией от правительства, и впрочем, сколько из них не фигурируют и никогда не будут фигурировать в официальном [правительственном учете] ежегоднике профсоюзов? Используют ли они парламентский механизм для принятия своих решений? Также нет: они обсуждают, и наиболее распространённое мнение становится законом, но законом без санкции, исполняемым именно потому, что он подчинён индивидуальному принятию, – за исключением, разумеется, случая, когда речь идёт о сопротивлении хозяевам. Наконец, если они назначают на каждом заседании председателя, распорядителя порядка, то лишь в силу привычки, ибо, будучи назначен, этот председатель совершенно забыт и часто сам забывает о функции, которой его облекли товарищи. Лаборатория экономических битв, оторванная от электоральных состязаний, благоприятствующая всеобщей забастовке со всеми её последствиями, управляющаяся анархически, – профсоюз, следовательно, есть именно та одновременно революционная и либертарная организация, которая одна сможет уравновесить и в конце концов свести на нет пагубное влияние коллективистских политиков.

Предположим теперь, что в день, когда разразится Революция, почти все производители будут объединены в профсоюзы: не будет ли там – готовой сменить нынешнюю организацию – почти либертарной организации, фактически упраздняющей всякую политическую власть, и каждая часть которой, владея средствами производства, регулировала бы все свои дела сама, суверенно и по свободному согласию своих членов? И не будет ли это «свободной ассоциацией свободных производителей»?

Разумеется, возражения многочисленны: федеральные администрации могут стать властями… хитрецы могут прийти к управлению профсоюзами так же, как парламентские социалисты управляют политическими группами… но эти возражения действительны лишь отчасти. Федеральные советы суть, в самом духе профсоюзов, лишь переходные институты, порождённые необходимостью делать всеобщими и всё более грозными экономические битвы, но которые революционный успех сделал бы излишними и за которыми, впрочем, породившие их группы следят слишком ревниво, чтобы они когда-либо смогли завоевать руководящую власть. С другой стороны, постоянное право отзыва должностных лиц сводит их функцию и их личность к очень малому, и слишком часто даже им недостаточно исполнить свой долг, чтобы сохранить доверие товарищей. Затем, цеховая организация ещё находится в эмбриональном состоянии. Едва освободившись от политиканской тирании, она идёт наугад и, как ребёнок в первых шагах, шатается на пути независимости. Но кто знает, куда мягкость, и ещё более плоды свободы, приведут её через десять лет?

И либертарные социалисты должны посвятить свои усилия именно к тому, чтобы привести её туда.

«Федеральный комитет бирж труда, – говорится в официальном протоколе, опубликованном в *Bulletin de la Bourse de Narbonne*, – имеет миссией просвещать пролетариат относительно бесполезности Революции, которая удовольствовалась бы заменой одного Государства другим, будь это даже социалистическое Государство». «Этот комитет, – говорится в другом протоколе, который должен появиться в *Bulletin de la Bourse de Perpignan*, – должен стремиться подготовить организацию, которая в случае социальных преобразований смогла бы обеспечить экономическое функционирование посредством свободного объединения и сделать излишним всякий политический институт. Его целью является упразднение власти во всех его формах, и его задача – приучать трудящихся освобождаться от опеки».

Таким образом, с одной стороны, «профсоюзники» сегодня в состоянии слышать, изучать и принимать либертарные доктрины; с другой стороны, анархистам нечего бояться, что, принимая участие в цеховом движении, они будут вынуждены отказаться от своей независимости. Первые готовы допустить, вторые могут укрепить организацию, решения которой проистекают из свободного согласия; которая, по словам Грава (*Будущее общество*, глава XIII Власть и организация) «не должна иметь ни законов, ни статутов, ни регламентов, при помощи которых каждый индивидуум был бы принужден подчиняться под страхом какого-нибудь заранее определенного наказания»; в которой индивиды имеют возможность уйти, когда им заблагорассудится, – за исключением, повторяю, случая, когда борьба с врагом начата; которая, словом, была бы практической школой анархизма.

Пусть же свободные люди войдут в профсоюз, и пусть распространение их идей подготовит там трудящихся, творцов богатства, к пониманию того, что они должны сами устраивать свои дела и, следовательно, в назначенный день разбить не только существующие политические формы, но и всякую попытку восстановления новой власти. Это покажет авторитариям, насколько обоснован был их страх, замаскированный презрением, перед «синдикализмом» и насколько эфемерна их доктрина, исчезнувшая прежде, чем успела утвердиться!

Фернан Пеллутье.

20 октября 1895.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Фернан Пеллутье
Анархизм и рабочие профсоюзы
20 октября 1895. Опубликовано 2-8 ноября 1895.

Les Temps nouveaux, год 1-й, №27

ru.anarchistlibraries.net